

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ЛЮБОВЬ — НЕЛЮБОВЬ

Мария Метлицкая
Любовь – нелюбовь.
Серия «Рассказы и повести
Марии Метлицкой»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34111234*

Аннотация

«Пьяный гость продолжал топтаться на пороге. Господи, помоги!

Но Господь не ответил. Гость, покачиваясь, продолжал исторгать комплименты:

– Фрау Люба! Прекрасная фрау! Вы красивы, как...

Он замолчал, только пощелкивал холеными пальцами с маникюром, подбирая слова...»

Мария Метлицкая

Любовь – нелюбовь

Пьяный гость продолжал топтаться на пороге. Господи, помоги!

Но Господь не ответил. Гость, покачиваясь, продолжал исторгать комплименты:

– Фрау Люба! Прекрасная фрау! Вы красивы, как...

Он замолчал, только пощелкивал холеными пальцами с маникюром, подбирая слова.

Потом, причмокивая сочным ртом, оживился:

– Вы – ко-ро-ле-ва, Люба! Вы – цветущая роза!

Он был явно доволен собой, этот фриц!

Он – да, а вот Люба не очень. Точнее, совсем недовольна. Злость, гнев и раздражение закипали в ней, темной завесой застилая любезность и законы гостеприимства.

– Иди ты уже! – хмуро буркнула она, невежливо подтолкнув гостя в плечо. – Иди, блин! Зануда!

Но упертый гость за порог не выкатывался. Наоборот, он по-спринтерски бросился в комнату, ловко обойдя Любу на повороте.

Обалдевшая Люба рванула за ним.

– Владимир! – Гость тряс за плечо хозяина дома. – Владимир! Я не шучу! Я влюблен в твою жену, фрау Любу! Честное слово! Таких женщин я еще не встречал!

Владимир приподнял свою буйную голову и мутным взглядом посмотрел на немца:

– А... это ты! – удивился он. – Ну, и чего?

– Люба! – повторил гость. – Я восхищен!

Вова махнул рукой:

– Ааа! Ну, это понятно!

Потом Вова обвел взглядом комнату, явно теряя фокус, и увидел родную жену. Пригрозил ей пальцем:

– Смотри у меня!

Люба вздохнула:

– Может, хватит, а, Вов?

Муж покачал головой – с этим предложением жены он был не согласен. Так, все понятно. Собравшись, Люба двинулась на гостя:

– Герр! Как тебя там?... Вы собрались уходить? Разве не так? Ну и вали! Борман хренов! – В глазах Любы закипали слезы. – Давай! Выметайся, чеснок!

Немец часто закивал, принялся извиняться и бочком пошел к двери.

Глядя в зеркало в прихожей и поправляя клетчатое кашне, он посмотрел на Любу и тихо повторил, с опаской оглянувшись на Вову:

– А я не шучу! Я увезу вас, моя королева!

Люба махнула рукой:

– Ага, увезешь! Видели мы таких... Давай уже, дуй! Вот ведь репей, честное слово!

Немец ушел.

Люба посмотрела в глазок. Борман долго стоял у лифта, не решаясь нажать кнопку вызова. А потом пошел вниз пешедралом.

– Ну и черт с тобой! – выдохнула Люба и, на секунду затормозив в прихожей, с тяжелым вздохом пошла в комнату.

Муж Вова спал, уронив буйну голову... Нет, не в салат – слава богу! На стол. Но это тоже ее не обрадовало.

– Вова! – затрясла она мужа. – Вставай!

Он не вставал. Даже и не подумал. Вова крепко и сладко спал.

Люба села на стул и разревелась. Все надоело! Как же все надоело! И за что ей все это? За что? Ревела она долго, громко и со знанием дела.

Вова мирно похрапывал. Наконец Люба встала, пошла в ванную, чтобы умыться. И, умывшись, стала разглядывать себя в зеркале.

– Ага, красавица!.. – грустно заключила она. – Прям такая... Хоть плачь!

Но плакать уже не хотелось. Надо было действовать, включаться: собрать со стола и перемыть всю посуду, убрать остатки еды в холодильник и, самое главное, оттащить мужа Вову, козла этого, на диван.

Вот его, родного, она оставила на «закуску».

Перебив посуду и убрав все в холодильник, Люба с тяжелым сердцем зашла в комнату.

Вова по-прежнему спал. Она стала трепать его за плечи, вложив в эту акцию всю свою душу. Потом хлопнула по щекам. Вова мычал, отбрыкивался, нес какую-то несусветную чушь, что-то выкрикивал – как ей показалось, «Спартак – чемпион!» – и снова ронял лохматую голову на стол. Земное притяжение давало о себе знать.

Наконец, почти обессилев и громко заорав, Любе удалось приподнять муженька. Схватив неподъемного мужа под мышки, Люба подтащила его к дивану и швырнула, вложив в это действие все свое отчаяние, боль и даже ненависть.

Вова махал руками как мельница.

– Спи, козлице! – выкрикнула она. – Спи, кровосос!

Вова был послушен. Через минуту раздался его громкий и монотонный храп.

Стараясь не смотреть на мужа – вот уж радость! – Люба сняла со стола скатерть, вытряхнула ее на балконе и внимательно осмотрела – конечно, стирать придется! Пятна от красного вина, от селедки под «шубой», от винегрета и торта контурной картой красовались на голубоватом льне.

Замочив скатерть в тазу, Люба подняла глаза к зеркалу. На нее смотрело усталое, рассерженное и раздраженное лицо.

«Красавица!.. – еще раз грустно хмыкнула она. – Да уж, куда там! Пьяный дурак этот фриц! С пьяных-то глаз...»

Никогда Люба не считала себя красавицей. Никогда, честное слово! И даже наоборот: глаза, рыжие (мама говорила «янтарные») – нет, именно рыжие! – расставлены были так

далеко от переносья, так уходили к вискам, что в школе ее дразнили «инопланетянкой».

Кожа очень белая, «сметанная» кожа – солнце всегда опалало ее мгновенно. «Кусало» недобро, и на лице выступали красные пятна. Зато ей шли шляпы с полями от солнца.

Брови – густые и длинные (соболиные – по-маминому же утверждению, что полная чушь!) – тоже взлетали к вискам. На курносом носу рыжели веснушки – редкие, но... крупные. И они раздражали! Люба и выводила их, и замазывала крем-пудрой – все понапрасну. Веснушки нагло проступали, и все тут! Все говорили про шарм и прочее, но... Любе веснушки не нравились. Ей вообще не нравились белокожие люди. То ли дело смуглянки!

А про рот... Ну, это вообще! Что уж тут говорить... Лягушачий рот, вот! Ни больше ни меньше. Лягушачий, огромный рот! До ушей. И наплевать, что сейчас это модно. И наплевать, что у всех актрис и моделей такой! И наплевать, что все, как одна, подкачивают гели и прочие, неизвестные Любе средства... Наплевать! Буратино, ей-богу!

С фигурой и ногами у Любы, правда, все было нормально. И даже очень! Но рот!.. Слава богу, что родилась в девяностых, когда в моде были ну очень крупные рты! А если б в тридцатых? Что тогда? Люба рассматривала фотографии звезд тридцатых годов: крошечные, бантиком, губки, стеснительно поджатые, совсем не наглые, вот! А эти... пельмени.

«Про волосы ничего не скажу, – решила Люба. – Грех жаловаться. Только...» Опять она была недовольна. Волосы ей нравились кудрявые или волной. Спиральки, завитки, локоны, кольца... А у нее – как лошадиная грива! Прямые и жесткие. Нет, густые! Льются по спине, текут словно река. Но не накрутишь, не завьешь. Ничем! Щипцы не берут, бигуди – уж тем более. Плойка – туда же!

Только закрутишь в пучок – тут же наружу. Шпильки летят, заколки звонко щелкают и открываются... Непокорные, как и сама их хозяйка.

Хотя... Была непокорной. А вот сейчас... Смирилась.

Нет, не смирилась! Просто устала бороться.

Люба вышла из ванной, прошла мимо храпящего мужа, даже не взглянув. Противно. Стыдно. Обидно. Нажрался, свинья!..

Плотно закрыла дверь в спальню и наконец улеглась.

Устала как бобик! А сон все не шел. Потому что расстроилась. Злилась. Где тут уснешь?

Вспоминала свою жизнь и неоправданные надежды... И снова хлюпала носом.

И почему все не так? Всегда все не так, как хотелось. Мечталось. Надеялось. В конце концов – обещалось!..

Мужа Вову она любила. Крепко любила! Потому что по-другому любить не умела! Такая натура – «страстная», как говорила мама.

Все у нее взалхлеб, все чересчур. Через край. Все эмоции,

все движения, так сказать, души. Все поступки. Решения. Резкие!

Так и за Вовку своего выскочила – с горячей головой, не подумав. А подумать бы надо было!..

Нет, ничего такого! В смысле, ничего страшного. Вовка был смел, удачлив, горяч. Острил так, что все просто валялись. Прикалываться умел, это да! Не трус! А ведь все сейчас трусы. Сначала о себе подумают, а уж потом... А Вовка отчаянный был! Да и есть! В драку любую рванет – не задумается. За справедливость! Все это осталось. Ничего не пропало. Верил в свою звезду Вовка, верил. Искренне верил. И Любу убедил: «Все у нас получится, зайка!»

Зайка поверила.

Сказал: «Уедем в Москву, и все у нас будет! Все, слышишь? Квартира, машина. Семья. Одну тебя как принцессу!»

Верила Люба. А все потому, что хотела поверить! В Москву собралась за два дня: покидала вещи и – все! Тю-тю, родной Нижний! Привет!

Мама, конечно, рыдала. Она-то Вовке не верила, говорила: «Загубит он твою жизнь!»

Но Люба не слушала – куда там! Где мама и где он, любимый?

Не в столицу – на Таймыр бы за ним поплелась. В собачьей упряжке, пешком. По льду. Лишь бы с ним!..

Сначала казалось – не обманул! Ну, почти! Работал как

вол, это правда. Старался. Шел лбом, напролом. А лоб у него... Дай бог каждому! Каменный лоб.

Уже через три года взяли ипотеку и купили квартиру. Правда, однушку. Но лиха беда начало, ведь так? Мебель купили, машину. Люба курсы окончила – ногтевой сервис, вот так. Ногти клепала – гелевые, акриловые. Ничего зарабатывала, неплохо. В Турцию съездили. Один раз.

На пляже Люба мужем любовалась: стройный, высокий, поджарый. Ноги длинные, мускулы рельефные. Волосы – мягкой волной. Красавец! Бабы разглядывали его с нескрываемым восхищением. А Люба злилась! Ревновала – ужасно!

А все потому, что он отзывался! На бабы призывы. Бросит иная взгляд – и рот до ушей. Улыбался в ответ. Голову скидывал, короче – бил копытом. Нравился бабам всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.